

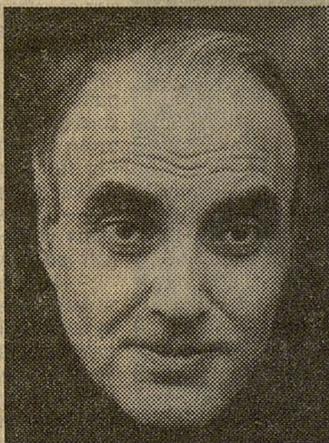
ЗОЛОТАЯ МАСКА

Когда восемь лет назад известный грузинский режиссер Темура Чхеидзе приехал из Тбилиси по приглашению Кирилла Лаврова в БДТ, все думали, что после смерти Георгия Товстоногова он возглавит прославленный коллектив. Но этого не произошло. По-видимому, Темуру Нодаровичу всегда было интереснее ставить спектакли, чем руководить. Когда Чхеидзе стали звать на постановки в Мариинку — это тоже вызвало некоторое изумление, ведь он все-таки не музыкальный режиссер. И тем не менее вот уже второй раз в номинации за лучшую оперную режиссуру премии "Золотая маска" выдвигается его спектакль — на сей раз это "Летучий голландец" Вагнера.

Темура ЧХЕИДЗЕ:

Труд. — 1999 — 24 марта с. 6.

**МЫ НОСИМ
В СЕБЕ
СКАЗКУ**

— Темура Нодарович, как у вас, драматического режиссера, складывался "роман" с оперой, с Мариинкой?

— Гergiев посмотрел мои спектакли в БДТ и пригласил на постановку "Войны и мира". Я испугался такой глыбы и отказался. Тогда он предложил "Игрока". "Ага, — подумал я, — это, во-первых, музыка Прокофьева, во-вторых, любимый мной Достоевский". И согласился. Кроме всего прочего, было интересно поработать с Валерием Абисаловичем. Раньше оперу я никогда не ставил. Вначале, естественно, было страшно, но потом в процессе репетиций вошел во вкус. К тому же мне постоянно помогали такие актеры, как Галузин, Алексашкин, Прокина, Волкова, Гасиев...

Что касается "Летучего голландца", то я его для себя расшифровал как грандиозную сказку. Если человек очень верит в чудо, то оно к нему приходит — вот в чем смысл этого жанра. Каждый из нас носит в себе свою сказку.

— Герой этой оперы бессмертен. Как сыграть бессмертие, передать душевные муки того, кто обречен на бесконечное

скитание?

— Сыграть бессмертие невозможно. Мы про это состояние ничего не знаем. Я предлагал актерам думать про знакомые вещи: о том, что у человека нет дома, семья и он постоянно в скитаниях. А когда наконец попадает в дом, то ему становится так хорошо и уютно: сидеть в кресле, пить горячий кофе! Вот такие знакомые понятия надо вкладывать в классическую роль. Тогда и артисту легче, и зритель все понимает.

— И все-таки: как вы считаете — оперному режиссеру надо иметь музыкальное образование или достаточно музыкального слуха?

— Думаю, образование нужно бы иметь. У меня его, к сожалению, нет. Но без музыки я не представляю никакого театра. Даже когда ставлю драму, мысленно подкладываю под текст пьесы какую-то мелодию. Эта привычка очень помогла мне в постановке оперы. Я старался ничего не пропускать из того, что происходит в оркестре. В первом акте "Летучего голландца" есть

песня, легкая и беззаботная. Артист ее так и пел. Я говорю: "Стоп! Слышишь, какой тревожный оркестр? А ты это пропускаешь". Постепенно нам удалось соединить драматизм и легкость. Вообще с Гergiевым очень интересно работать. Я десятки раз присутствовал на его сугубо оркестровых репетициях. Это так интересно — быть свидетелем рождения музыки.

— Гergiев приходил на ваши репетиции?

— Заглядывал. Вначале мы с ним обговаривали замысел в общих чертах, чтобы не работать, как лебедь, рак и щука. Он мне говорил: "Нельзя ли эту мизансцену немножечко придвинуть к авансцене? Оркестр здесь звучит forte, и голос артиста заглушается". И я перестраивал мизансцену. Однажды я сказал ему, что "Игрок" должен начинаться не с музыки, а в полной тишине. Минуты три абсолютной тишины. Так и сделали, действие идет в безмолвии, но вот актер громко поставил стул — и разбудил спящего, пошло музыкальное вступление. Гergiев на такие вещи идет с удовольствием.

— Вы живете в Петербурге восемь лет, и, мне кажется, дух этого города вам близок. По крайней мере в атмосфере северной столицы "вычитывается" точно.

— Постоянно я здесь не живу. Пять-шесть месяцев в году, а остальное время провожу в Тбилиси, ставлю спектакли в театре имени Марджанишвили. Без Тбилиси я не могу дышать. Это моя родина. Там живут мои дети, внуки. В то же время с первой встречи с Петербургом у меня не возникло ощущения, что я нахожусь в чужом городе. Наверное, это идет от атмосферы в БДТ.

— В этом театре вы уже выпустили много спектаклей, в том числе "Коварство и любовь", "Антигону", "Макбета". И вот теперь ставите "Бориса Годунова" Пушкина. Скажите — это работа к пушкинской дате?

— Про "Бориса" я думал уже давно. В 1995 году стоял перед дилеммой, что ставить — "Макбета" или "Бориса"? Решил все-таки ставить "Макбета". А пушкинская дата оказалась последней каплей в чаше ожидания: сколько можно? Это мне и Лав-

ров сказал: "Ну, давай, теперь у "Бориса Годунова" в самый раз."

— В оформлении спектакля будет сохранена историческая достоверность? Будут ли кафтаны и бороды у артистов? Ведь в последнее время режиссеры даже Гамлета играют в джинсах.

— Такого я не люблю. Мы сохранили силуэт эпохи, потому что это не бытовая история. Хотя и на исторической основе — но не психологическая драма. Тут все великолепно психологически проработано, но написана пьеса по закону поэтического театра.

— Вы ставите спектакль про аморальность власти?

— Я не знаю, всегда ли власть бывает аморальна. Другое дело, когда к власти приходят аморальные люди. А Борис Годунов и Грозный быть не хотел, и Федором — не состоялся. Придя к власти, Годунов старается быть похожим на Федора. Перед смертью он обращается к сыну: "Казни можешь отменить. Тебя благословят, как твоего благословляли дядю". А перед этим говорит Басманову: все, переходим на репрессии! Годунов мечется, его раздрают противоречия. Сейчас мы с артистом Ивченко думаем, как показать эволюцию Годунова, чтобы трагедия сильной личности проступала мощно.

— Когда премьера?

— По графику — 27 марта, в Международный день театра. Затем я вылетаю в Нью-Йорк сдавать макет декораций будущей постановки "Игрока" в "Метрополитен Опера", премьера которой назначена на 19 марта 2001 года.

— Вот это я понимаю — плановое хозяйство!

— Вот именно! Я сдаю макет и костюмы за два года до премьеры. Мало того: у меня в контракте записано, что с 10 по 22 августа 2000 года я должен быть в "Метрополитен Опера", чтобы вместе с художником делать световое оформление. Декорация будет стоять за восемь месяцев до премьеры.

— Нам до этого никогда не дотянуться...

— Зато у нас есть свой прекрасный репертуарный театр, который сейчас всячески уничтожают. То самое великое, чему завидовал весь мир. Я наполеонову воспитан на русской культуре, и мне очень обидно, что она гибнет.

— Но вы-то все равно никогда не порвете с русским театром?

— Это уже невозможно, потому что грузинский и русский театры давно проросли друг в друга.

Беседу вела
Марина ЗАБОЛОННАЯ.